

Романы о Великой Отечественной войне

От ветерана Советской армии

Александр
Тамоников

**ГЕНЕРАЛ
БЕЗ
АРМИИ**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на переплете
Игоря Варавина

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Генерал без армии / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Романы о Великой Отечественной войне. От ветерана Советской армии).

ISBN 978-5-04-190098-4

Лето 1942 года. Советское наступление на Любань заглохло. Вторая Ударная армия оказалась в котле. На поиски ее командира генерала Власова направляется группа разведчиков старшего лейтенанта Глеба Шубина. Нужно во что бы то ни стало спасти генерала и его штаб. Вся надежда на партизан, которые хорошо знают местность. Но в назначенное время партизаны на связь не вышли: отряд попал в засаду и погиб. Шубин понимает, что теперь, в глухих незнакомых лесах, под непрерывным огнем противника, им придется действовать самостоятельно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2023

ISBN 978-5-04-190098-4

ГЛАВА 1

«Язык» был не прочь поболтать, обладал ценными сведениями и отнюдь не нордическим темпераментом. Он глотал слова, извивался, придавленный коленом старшего лейтенанта Шубина, активно не хотел умирать и мог бы говорить часами. Но время поджимало. Последние слова пленного унтер-офицера были о том, что у него большая семья в Штутгарте. До войны он трудился на сборочном конвейере завода Порше, то есть является рабочим человеком!

Однако слияния пролетариев двух стран в этот поздний час разведчики не планировали. Глеб убрал колено, пленник воспрянул духом, но в следующий миг Завадский перерезал ему горло, и оба поспешили убраться, чтобы их не обрызгало кровью. Агонизирующее тело они оттащили в кусты, добавили к двум другим и с чувством покурили.

Каждый перекур казался им даром божьим. Другого могло и не быть.

Ночной патруль оказался кстати. У кого еще спросить дорогу?

Над головой в разрывах листвы виднелось небо, усеянное звездами.

Местность в районе была сложной — леса, болота, непроглядные заросли. Дороги и открытые пространства практически отсутствовали.

В сумраке выделялись размытые фигуры в мешковатых комбинезонах. На задание со старшим лейтенантом отправились пятеро. Курили бойцы быстро, пряча огонечки в кулаки.

— Правильно идем, товарищи, — прошептал Шубин. — Господин унтер-офицер был уверен в том, что интересующие нас батареи расположены между деревнями Листвянка и Приютово, в трех верстах от нас. Верить ему на слово мы, понятно, не будем, прогуляемся, чтобы убедиться. Идем в колонну по одному, дистанция три метра. Глинский с рацией — сзади. Патруль немцы хватятся, но найдут не скоро. Время у нас есть. Обрато пойдём другой дорогой. Докуриваем, и вперед.

Подчиненные молчали, сосредоточенно дымили.

Звуки канонады нарастали, потом отдалялись. Разведчикам казалось, что орудия бьют со всех сторон. Иногда в раскаты орудийного грома вплетался рев авиационных моторов. Ожесточенное сражение шло в десяти верстах, не прекращалось ни днем ни ночью. Обескровленная

Вторая Ударная армия предпринимала отчаянные попытки вырваться из котла.

Смазанные тени скользили по ночному лесу. Пыхтел Лева Глинский, тащил на закорках радиостанцию с радиусом действия полтора десятка километров. Бойцы двигались по верхам, болотистые низины оставляли в стороне. Грустный опыт у них уже имелся.

Никита Костромин до сих пор не мог прийти в себя, ощупывал стоящий колом комбинезон и шептал что-то вроде молитвы. Три часа назад он ушел в трясины по горло, схватиться было не за что, дыхание перехватило. Если бы Ленка Пастухов вовремя не обернулся, то парня уже не было бы на свете. Товарищи над ним даже не подтрунивали, натерпелся, чуть глаза из орбит не вылезли.

Лес уплотнялся. Разведчики преодолевали баррикады из сушняка и бурелома.

В стороне гудели моторы. Там шла танковая колонна вермахта. Немцы стянули в этот район огромные силы, не выпускали из котла окруженные войска.

Лающая немецкая речь больно ударила по ушам. Разведчики рассыпались по траве, затаили дыхание. Красноармеец Боровик не нашел куда упасть, присел за деревом.

Неподалеку находилась опушка, там стояло крупное подразделение вермахта. Разносились команды младших командиров. Бряцал металл,

переговаривались люди. Войска противника находились в повышенной готовности, в любую минуту могли перекрыть брешь. Потери немецкое командование не смущали. Красная армия в эти трагические дни теряла больше.

Разведчики слились с местностью, замерли. Завозился Глинский. Рация на горбушке причиняла ему болезненные неудобства. Завадский шикнул на товарища, и Лева замер.

Тени покачивались за деревьями, солдаты месили сапогами податливую глину. Несколько человек шли по лесу, под ногами у них трещали и ломались сырые ветки. Кто-то оступился, выругался. Другой засмеялся. Мол, что, Курт, русская земля уже не держит? Третий предположил, что ничего ужасного до завтрашнего обеда не произойдет. Русские снова полезут в прорыв по горам своих трупов, артиллерия их будет методично избивать, добегут считанные единицы, и пехоте не придется напрягаться, чтобы отразить эту атаку. Почему эти русские так просто отдают свои жизни, причем не только рядовые, но и командиры? Чем их не устраивает, например, сытый германский плен?

Шубин стиснул зубы.

Русские солдаты в этих проклятых болотах у Мясного Бора гибли тысячами, и немцы не могли понять, зачем они это делали.

Лежать разведчикам пришлось долго. Фрицы уходили с лентой, никуда не спеша.

Когда шум затих, группа пришла в движение, но вскоре уперлась в неодолимую преграду из бурелома и колючих веток. Штурмовать эти залежи можно было до утра.

Шубин рискнул вывести людей на опушку. Немцы ушли оттуда, там никого не осталось. Дымились недогоревшие кострища, валялись обрывки бинтов, упаковки от еды, пустые сигаретные пачки.

Несколько минут группа рискованно маячила на юру, потом опять растворилась в лесу.

Невдалеке пролегал проселочная дорога до деревни Листвянка. Согласно вводным данным, все ее жители ушли с отступившими советскими войсками. От соседнего Приютова три недели назад остались одни головешки.

«Спасибо унтер-офицеру. Даже неловко, что пришлось убить его. Маршрут, описанный им, оказался верным. Прогулка через тернии не пропала даром», — подумал Глеб.

Собаки теперь лаяли на всю округу. Этот квадрат местности почему-то охранялся, как ставка Гитлера.

Боровик, идущий в авангарде, широкоплечий, исполнительный, но временами туго соображающий, повалился в траву, а прямо перед ним грозно залаяла овчарка. Она рвалась с поводка, тянула за собой солдата, явно почуяла чужака. Боровик энергично отползал к кромке леса.

Подбежали еще два фрица, всматривались в темноту. Лезть в растительное месиво им как-

то не хотелось. Зажегся фонарь, холодный луч забегал по кустам и деревьям.

— Что там, Курт?

— Не знаю, собака взбесилась.

Простучала автоматная очередь, расшвыряла ветки. Разведчики затаились, не подавали признаков жизни. Овчарка успокоилась, стала глухо ворчать. Очевидно, запах чужака смешался с пороховой гарью.

Немцы решили, что все в порядке, ложная тревога.

— Это заяц, Курт, его почуяла твоя псина! Здесь не могут появиться русские, им для этого не хватит ума!

Солдат оттаскивал от леса собаку. Она, продолжая глухо рычать, трусила за своим хозяином. Голоса смолкли.

— Боровик, ты живой? — прошептал Глеб.

— Я-то живой, только рукав мне какой-то гад прострелил. — Боец полз, тяжело отдуваясь, явно впечатленный происшествием. — Чуть не выдал я всех нас, товарищ старший лейтенант, виноват. Знаете, мне тут на ум пришло...

— Куда пришло? — не сдержался Ленька Пастухов.

Кто-то прыснул в темноте.

— Да иди ты!.. — огрызнулся Боровик. — Серьезная охрана, говорю, товарищ старший лейтенант. Впереди большая поляна и цепь солдат. Хорошо, что они на открытом месте стоят, в лес

боятся заходить Эти вояки что-то важное охраняют, у них дорожки протоптаны, курсируют взад-вперед.

— Все назад! — скомандовал Шубин. — Обойдем квадрат, посмотрим, где можно просочиться.

Через сосняк им пришлось передвигаться ползком. Немцы были повсюду, заунывно перекликались, не давали себе заснуть. Глинский с Боровиком получили ценные указания и остались в лесу, все прочие погрузились в овраг и двинулись по нему.

Никита Костромин выполз наружу, вернулся через пару минут с горящими глазами и доложил:

— Здесь эти клятые пушки, товарищ старший лейтенант. Дальнобойные, не меньше двух дивизионов.

Коридор, сквозь который выходили наши окруженные войска, составлял в ширину четырехста метров. В худшие дни — двести пятьдесят. Проход был завален телами советских, немецких и даже испанских солдат, добровольцев из «Голубой дивизии». Трупы никто не убирал, передвигаться по этому пространству можно было только ползком.

В последующие полчаса разведчики выяснили главное. Четыре батареи тяжелых орудий были расположены в перелесках за деревней Листвянка, вблизи единственной дороги, по которой можно осуществлять подвоз боеприпасов. Еще две стояли на окраине Приютова. Орудийные

стволы торчали в небо каким-то жутковатым ча-стоколом.

В данный момент огонь не велся, но на бата-реях отмечалась активность. Рычали тяжелые тягачи, сновали люди, офицеры окриками под-гоняли подчиненных.

В лесу между батареями находился радиоузел. Под него фрицы облюбовали заброшенное бре-венчатое строение.

Охрана с собаками осталась на периметре, но и здесь, в самой клоаке, было неудобно.

Солдаты снимали с грузовиков снарядные ящики, тащили, отдуваясь, к орудиям. У каждой пушки грудились штабеля боеприпасов. Разгруз-ка завершилась. «Опели», побитые российскими дорогами, двинулись восвояси.

Офицер объявил перекур, и солдаты потяну-лись к ложбине, тянувшейся в стороне от бата-реи. Технику безопасности здесь блюли.

Это было именно то, что требовалось найти! От текущей работы зависело очень многое, глав-ное — жизни людей.

— Товарищ старший лейтенант, это именно они не дают нам прохода, — взволнованно про-шептал Пастухов. — Отправим в штаб коорди-наты, пусть накроют квадрат к чертовой матери. Станет легче, пусть всего на день или на два, но наши прорвутся.

Сердце старшего лейтенанта колотилось, как барабан полкового оркестра. Именно с этой точ-

ки фашистские захватчики осуществляли обстрел проблемного участка! Координаты известны, зона покрытия — не больше одного квадратного километра.

— Мужики, запоминаем, — тихо проговорил Шубин. — Восемьсот метров пространства между Приютово и Листвянкой, включая сами деревни, где у них пункты управления. В глубину чуть более километра. Артиллеристы сами вычислят координаты, нам сейчас не до этого. Толпой не валить, откатываемся по одному и бережем как зеницу ока нашу рацию.

До кромки леса бойцы добрались без приключений, ныряли в ложбины, ползли по открытым участкам. Но дальше снова все пошло через пень-колоду. Фашисты как-то обнаружили Глинского и Боровика, оставшихся в лесу. До него оставалось метров семьдесят, когда с опушки долетел тревожный крик. Прогремела автоматная очередь, за ней — еще одна. Жалобно заскулила подстреленная собака. Часовые загалдели как сороки, бросились врассыпную. Затрещали «МП-40», им из леса отвечал только один «ППШ»!

Разведчики сдавленно матерились. Неужели все пропало? На опушке происходило что-то страшное. Автоматный огонь уплотнялся, немцам никто не отвечал. Часовых в этой зоне оказалось всего шестеро, но остальные могли подтянуться в любую минуту.

Через пару минут немцы оборвали стрельбу, стали подниматься. Из мрака выростали согбенные фигуры. Несмело, сгибаясь в три погибели, солдаты двинулись вперед.

По ним ударил «ППШ». Караул рассыпался, кто-то остался лежать.

Ждать у моря погоды было глупо. Скоро вся нечисть сюда слетится!

— Пошли, парни, — процедил Глеб сквозь зубы. — Быстро, но скрытно.

Сначала разведчики ползли, потом поднялись, побежали, стараясь обходиться без шума. Они вылупились из мрака за спинами у фашистов, открыли ураганный огонь. Валились нашпигованные пулями тела, выли глотки. Раненых красноармейцы добивали выстрелами в упор. Завадский прикладом сломал шею какому-то живчику. Хрипел, пытаясь приподняться, обер-гренадер в продырявленнойлетней шинели.

Шубин выстрелил ему в голову, перешагнул через туловище, бросился в лес, стал метаться между деревьями.

— Боровик, Глинский, вы живы? — выкрикнул он.

— Я жив, товарищ старший лейтенант, — отозвался слабым голосом Глинский, придавленный рацией, и выбрался из-за дерева, опираясь на приклад автомата, как на лыжную палку. — А вот Виталика Боровика, кажется, убили.

Это Шубин уже понял. Он запнулся о неподвижное тело, опустился на колени. Красноармеец Боровик был мертв, кровь залила его грудь.

Подбежал Ленька Пастухов, стал трясти товарища, уговаривал очнуться. Никита Костромин поднимал Глинского. Тот качался, как былинка, но, кажется, не пострадал. В принципе, он вел себя молодцом, сумел отразить атаку, находясь под гнетом пятнадцати килограммов железа.

Завадский сташил с него радиостанцию, бегло ее ощупал — цела ли? — взвалил себе на плечи и первым бросился в темноту. Остальные последовали за ним. Шубин пятился последним, вглядываясь в полумрак.

Немцы запрягали недолго. Перестрелка привлекла внимание. Бежали солдаты с противоположной опушки. Истошно лаяли овчарки. Огонь фрицы пока не открывали, не знали, что здесь произошло, боялись попасть в своих. Загорались фонари, освещали арену побоища.

Шубин припал к дереву. Его автомат выплевывал короткие очереди.

В ответ тут же заработали «МП-40». Какой-то немец бросил колотушку. Она сработала на безопасной дистанции, окутала лес зловонным дымом. Неслись собаки, спущенные с поводков.

Жар ударил Глебу в голову, у него возникло ощущение, что он остался один. Старший лейтенант попятился к соседнему дереву, оступился.

Собака уже была рядом, глухо рычала, горели воспаленные глаза. Она прыгнула одновременно с автоматной очередью, ударившей откуда-то сбоку. Шубин повалился, пропорол суком мягкое место. Рядом грохнулась лохматая туша, вздрогнула пару раз и затихла.

— Бегите, товарищ старший лейтенант! — выкрикнул из-за дерева Костромин.

Глеб помчался, перепрыгивая через валежник, повис на упругих ветвях, не пожелавших его пропустить, прополз под ними, покатился под горку. Дальше был обрыв, слава богу, невысокий и сравнительно покатый. Разведчики съезжали с него, как с детской горки, разрывая штаны и крича от боли.

Глинский скатился последним и бросил через голову гранату, помечая пройденный путь. Она рванула на обрыве, обрушила пласт глинозема. Вместе с ним свалился немецкий солдат, пораженный осколками, жалобно выл, ворочался под слоем земли. Разведчики на нем внимания не заостряли, спешили уйти подальше.

С Шубиным остались четверо, все они были здесь, больше никто не пострадал. Завадский тащил радиостанцию где-то в авангарде, грязно выражался, увязая в сыром мху. Шубин снова отступал последним, плюхнулся в груды сырых ветвей.

— Сюда, товарищ старший лейтенант, — прохрипел Никита, выламывая корявые ветви. — Здесь дорожка.

— Да подожди ты, — огрызнулся Глеб.

Двое фрицев с шумом сверзились с обрыва, барахтались в прелой листве. Полетела, кувыркаясь, граната. Одному не повезло, замешкался, и осколок перебил ему позвоночник. Его товарищ чуть не выпрыгнул из штанов, спасаясь бегством. Он кувыркнулся через косогор, и все осколки промчались верхом. Остальные фашисты не рискнули спускаться, затаились наверху.

Глеб сменил магазин, поливал огнем кромку обрыва. Никита Костромин далеко не ушел, присоединился к командиру. Наверху кричали немцы. Кто-то из них призывал пуститься в обход.

— Довольно, товарищ старший лейтенант, уходить надо! — проорал в ухо командиру оглохший от пальбы Никита. — Пусть катятся ко всем чертям. Иначе мы увязнем в этой перестрелке.

Боец был прав.

Они бросились в гущу кустарника, пробились наружу. Мелькали деревья, за спиной истерили солдаты вермахта. Это был впечатляющий марш-бросок. Тяжесть рации уже не имела значения. Ноги уносили бойцов прочь.

За спинами у них разразилась суматошная стрельба, потом утихла. Очевидно, немцы тоже полезли в чашу.

«Им нужно нас догнать! — билась мысль в голове Глеба. — Они сделают все возможное, привлекут все силы в округе! Догадываются, кто мы такие и чем чреват этот инцидент!»

Бойцы по одному вываливались из леса, бежали к ручью, змеящемуся по открытому пространству, топали по воде, потом лезли на каменистый склон. Это хоть отчасти могло запутать собак. Потом они месили песок в окрестностях ручья, вились кругами вокруг деревьев.

Завадский передал рацию Пастухову. Тот взвалил ее на горб, скорбно поджал губы и потащил в гущу кустов.

Погоня отстала, лай собак сделался глуше. Немцы уже не решались спускать их с поводка.

Проселочная дорога, поросшая чертополохом, подвернулась очень кстати. Разведчики перешли на ускоренный шаг, потом опять побежали.

На четвертом километре силы у всех иссякли, и Шубин объявил привал. Погоня сбилась со следа, отстала. Группа залегла в осиннике вблизи опушки. Отсюда пройденный путь отчасти просматривался, погоню можно было засечь заранее.

Глинский лихорадочно разворачивал рацию. Его онемевшие руки тряслись. Антенну он закинул на ветку. В эфир устремились позывные группы, сведения об артиллерийских дивизионах, привязки к местности.

— Ну, давайте же, товарищи, просыпайтесь, — пробормотал Глинский, дожидаясь ответа.

Тот последовал через считанные минуты. Штаб полка отозвался, лейтенант Самохин круглосурочно находился на связи.

«Подтвердите еще раз», — последовал запрос.

Глинский сделал это.

«Вас поняли, возвращайтесь немедленно», — передал Самохин.

— Нет! — взмолился Ленька Пастухов. — Товарищ старший лейтенант, дайте нам еще пять минут простого человеческого отдыха, больше не просим.

— Даю десять минут, — расщедрился Шубин. — Но потом побежите как зайцы, если жить хотите. Не забывайте вести наблюдение.

Люди расслабились, молитвенно смотрели в небо, которое и не думало светлеть. Молодые организмы восстанавливались быстро. Через пару минут все уже сидели, обменивались традиционными любезностями, доставали курево.

— Эх, у Витальки Боровика знатная махорка была, — как-то сконфуженно пробормотал Глинский. — Надо было забрать. Зачем она ему? Лежит он теперь где-то на опушке, еще не остыл, и махорка с ним. Эх, Виталька, подставился по-глупому, хотя тревогу-то поднял.

Бойцы пару минут молчали, вспоминали павшего товарища. Смерть могла достать их в любую минуту, с какой угодно стороны. Спор о том, что лучше — знать, что ты сейчас представишься, или умереть в неведении, — давно стал общим местом. Мнения разделялись, но все сходились в одном. Лучше еще пожить.

Тема смерти беспокоила многих. Что там, за гранью? Полная тьма, глушь или есть что-то?

Шубин поймал себя на мысли о том, что сейчас с ним именно те бойцы, с которыми он два месяца назад вытаскивал из окружения остатки Тридцать третьей армии, все четверо: Завадский, Костромин, Пастухов, Глинский. Только они и остались из прежнего состава взвода. Люди, которыми командовал Глеб, менялись, как картинки в калейдоскопе. В памяти у него оставались только лица, молодые и не очень, грустные, веселые, серьезные. Послужить бойцы не успевали, гибли почему зря. Одни после первого задания, другие позже, третьи получали жуткие увечья, лишались конечностей. В госпиталях после этого выживали только счастливики, но что их ждало? Не жизнь, а растительное существование.

Настя Томилина при выходе из окружения получила тяжелое проникающее ранение. Хирурги спасли ей жизнь, провели экстренную операцию. Сейчас девушка лежала в госпитале, расположенном в подмосковном Копылове, медленно шла на поправку. Письма от нее доходили через раз, и в каждом сквозила тоска. Она не могла найти себе места, хотела быть рядом с ним, каждую ночь просыпалась в жутком страхе, ей казалось, что ее любимого убили.

Пули по-прежнему не брали Глеба. Мины и снаряды взрывались в стороне, а если и близко, то осколки щадили его. В рукопашных схватках ему попадались исключительно неуклюжие и не-